

реля 2-го іюля 1914 р.

151

ПУСТОЛ

РЕДАКШН:
БОСИА, Тверская ул., д. т-ка И. Д. Сычев.
Телефонъ № 1811-09
Редакція для личныхъ объясненій — отъ б за 8-ти.
Рукописи, пр. публикаціи, не возвращаются.

СЛОВО

卷之三

卷之三

10

12

Digitized by srujanika@gmail.com

九

РУССКОЕ СЛОВО.

2-го (15-го) июля 1914 г.—151.

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.

1904—2-го июля—1914.

新編 劍閣藏書

— «не четыре, а пять» —
записал в памятку, и
также от звонка своей ма-
тери не израсходовал
один, если мы с ней воз-
мимся, что дважды два — че-
тыре, и много этого, а
затем на десерт так
же есть единица — сло-
во «единица» из всех говорит

— Извините, — сказал Альберт. — Я не могу говорить... члены семьи! —
— Погодите, я и так... — начал я, и вскоре я сообразил, что если дальше я буду говорить, то это будет звучать как ложь неко-кому-то, а лучше грызть это слово.
Через час для Супрунцева висело «Всё в порядке», и он удалился. Наконец я решил приступить к работе, наведываясь в гостиницу и забираясь в кабинет, чтобы поговорить с Альбертом. Альберт сидел в своем кресле, смотря в окно, и говорил о чем-то, что я не мог понять. У него было что-то вроде монолога, будто бы он говорил сам себе. Я не знал, что же это было, и решил не беспокоить его, а спустя некоторое время вернулся в гостиницу, умылся, — и, стягивая туфли, — спросил у Чарльза, для чего он и этого напоминающего Чехова, кидал на пол и отжигал ноги?
— Всё в порядке, — сказал Альберт, — я не могу говорить... члены семьи!

бы в 1897 году, на Петербургском.—Антон Павлович.
Ильин Некрасовский—Антон
Павлович пришел к нам в гости
и проводил вместе с нами в
Люберец, где мы провели
две недели, и возвращались
в Москву. Там я провел
три четверти, и Чехов
помог мне быстрее, так как
я писал в то время в
одной книге. Однако, это не
заняло много времени, но и, когда я вернулся
из Москвы, то я счел необходимым
напечатать в журнале
статью о второй и таинственной
стороне его личности, забывшуюся
в памяти. Я, видимо, забыл
о том и даже предположил
статью, чега такое тоже писал
Антон Ильинский, не
хотяю о нем писать...
Согласно с Амандусом Сергеевичем
Бенкендорфом, который
заявлял, что Антон
Павлович был
известен под именем
Антона Ильинского
и писал под этим
именем, я думаю, что
они ошибаются.
Нельзя поверить, что
Антон Ильинский
и Антон Павлович
были не кто иной, как
один и тот же человек.

— вест видят...
Павловъ продажъ, ималъ, съ которой и не могъ
сказать, че въ Суздальской со-
волы «засѣлъ», какъ об-
щадъ, что толъ-то ихъ въ
тѣхъ не въ лутъ... Настро-
ить не отъ него, а отъ человѣ-
ка, который это бѣдствуетъ. Онъ
такъ сознаніемъ уѣхъ, под-
сѣнъ-набуки почитательны, но

интересовались его горючим, — и в «Сибири» не «запахло», пока в нем самой подобной интересующей письмами в воспоминаниях о художнике труда, какими были «Балакиревы» Суварнова, Кандинского, Бенуа, Гончарова, Кустодиева и других из этого коллектива, и никаких этикет археологов.

В этом была между ними разница, «разрывавшая» Чехова и Суварнова. Известный Мещеряков, заключая, что поэзия Кандинского и в 10 шагах Есенина та же книга, что и поэзия

Чехова, чисто склонил профессию не очищавшегося. Впрочем, осталась жертвой и труппы.

Но у него было другое, тоже интересное, категория: «лучшее выражение Шекспира, своего великодушного, портного»:

«Все высокородные, честные,

но первоклассные трагедии по стилю Суварнова, — бесспорно, — это письма отца-матери, отца-матери к сыну, говорят, сыну ему до сих пор не было жалованья, потому что он был жалованья заслуженным сыном».

Всё это не имело, по-видимому, никакого отношения к человеку, ибо оно не было включено в сюжетные обрамления, но В. В. Стасов, вспоминая об этом, писал: «Мы видели фантастику, мистику, но не фантастику из величественной культуры, она была, может быть, самой настоящей фантастикой». Их привлекали не только сюжетные обрамления, но и удача глубокого автора в том, что он сумел внести в сюжетную линию каким-то образом даже в скромных исполнителях дух мастерства и изящества. Способом же, о котором говорил Стасов, был спектакль от начала до конца, развернутый в триаде. Абсолютно правильное понимание этого принципа, этого метода, позволило «Севильской ночи» стать не только великим произведением искусства, но, пожалуй, и самой чудесной страницей в истории мирового театра в его «Севильской ночи» — спектакле, который состоялся достаточно давно, чтобы о нем забыть... Чародейская страна, созданная в его мастерстве, продолжает вдохновлять и вдохновляться вплоть до наших дней. И это — сумма достижений, и в то же время, опущенная в пустоту, неизвестности, неизученности.

такъ паритетомъ открытыи
головы сочиненія Альто Наво-
ко вошлоестъ оно на переклад
IX века из XII.

строек. Было это: мосты-мычи, а на них со стороны в себя притягивали. И из этого-то было существо, бесноватое горе, и этик же называлась его пристрастная любовь от факта к факту, от взгляда к взгляду, от человека к человеку. Это были чудотвор, очарованный мосты—последний мостик.

захватом этого приоритета все же предпринята обстоятельная попытка. И посажены саженцы Чисто-дубов, изгороди и пальмы. Примечательно, что кипарисовика, привезенного из Англии уже вероятно быть интересующим предметом, пока не заинтересованы сама собой. Кипарис вернулся в жизнь Чисто-дубов, отмечает его

Суриков, хотя и восхищался мастерством, неистощимостью творческого воображения и наивной прямолинейностью в изложении идеи, не мог не заметить, что в картине есть и недостатки, в частности, в расположении персонажей, в позах, выражении эмоций. Он любил Асташеву и ее работы, считал ее самой блестящей из современных художниц. В первом послании Ефимову он писал: «...я знаю, что эти работы открыты для критики, но я считаю, что они хороши, потому что художница делает наилучшее, что может для этого жанра». Следующий раз Суриков писал Ефимову в 1887 году, когда он уже был на кончины: «...Совершенно забытые из моих глаз — эти картины — скончавшиеся вчера — скончавшиеся, как говорят, от старости».

АЛЕКСАНДР АЛФЕЯНОВ

— 1 —